

ПЕРЕВОД И ПРЕПОДАВАНИЕ

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ

Н.В. Карповская

Кафедра романо-германской филологии
Факультет филологии и журналистики
Южный федеральный университет
пер. Университетский, 93, Ростов-на-Дону, Россия, 344006

В статье исследуется влияние прагматического потенциала языковых единиц на принятие переводческих решений. В центре внимания — понятие прагматической эквивалентности, трудности перевода компонентов лингвопрагматических категорий, а также специфика прагматических отношений в процессе двуязычной коммуникации.

Ключевые слова: прагматическая эквивалентность, прагматический потенциал языковых единиц, детерминация переводческих решений, речевое воздействие и коэффициент субъективности, средства выражения лингвопрагматических категорий.

Одной из основных заслуг Юджина Найды, основателя теории динамической эквивалентности (*dynamic equivalence*), считают введение прагматических элементов в понятие *переводческой эквивалентности* и рассмотрение ее под углом зрения соотносительных реакций получателей исходного и переводного текстов [8. Р. 202].

Со временем многие ученые пришли к мнению о том, что *прагматическая эквивалентность* является неотъемлемой частью эквивалентности вообще и управляет всеми другими уровнями, охватывая коммуникативный эффект и установку адресанта. В современных лингвистических исследованиях анализу прагматической составляющей переводческой деятельности уделяется значительное внимание. Это неслучайно и обусловлено тем, что для нее характерна более сложная структура, чем для прагматики акта одноязычной коммуникации. Несмотря на то что успех этой коммуникации все-таки зависит от переводчика, от его умения делать выбор и принимать решения, адаптируя прагматические координаты отправителя ИТ и получателя ПТ, перед нами те прагматические отношения, которые непосредственным образом влияют на детерминацию переводческих решений: *отправитель — переводчик (ИТ), переводчик — получатель (ПТ), отправитель — получатель (ИТ и ПТ)*.

При этом следует отметить, что главной причиной непонимания при межкультурном общении чаще всего является не различие языков, а различие национальных сознаний коммуникантов. Трудно не согласиться с Н.А. Фененко в том, что для решения переводческих проблем требуются интегративные подходы, предполагающие обращение к данным смежных наук, т.к. перевод представляет собой трансляцию образов сознания одной лингвокультуры в другую [5].

Однако не следует забывать и о том, что прагматическая составляющая перевода включает в себя не только моменты, связанные с экстралингвистическим аспектом коммуникативной деятельности. Осуществление речевой коммуникации невозможно без использования языковых средств. В связи с коммуникативной направленностью речевого акта значение той или иной языковой единицы представляет собой тот инструмент, с помощью которого мы совершаем коммуникативное действие. В этом плане интересна позиция М. Гейма, рассматривающего язык в качестве посредника, медиума, при помощи которого передается мысль. В своей работе он приводит рассуждения Яна Мукаржовски, чешского структуралиста, который представляет данную проблему на примере другого вида искусства. Так, для того чтобы высечь фигуру из камня, утверждает он, скульптор руководствуется не только своим первоначальным замыслом, но и конкретными свойствами имеющегося у него материала. Иначе говоря, «медиум (материал) играет в процессе творчества активную роль и, в известном смысле, определяет конечный результат» [2. С. 9].

Таким образом, если в качестве медиума у нас выступает язык, то необходимо учитывать как характеристики языковых единиц используемых автором в ИТ, так и особенности их передачи в процессе перевода.

Согласно результатам проведенного нами исследования среди различных характеристик, влияющих на установление *прагматической эквивалентности* при переводе, выделяется *прагматический потенциал* используемых переводчиком языковых средств.

Под *прагматическим потенциалом* мы понимаем не только возможность актуализации в речи категориальных значений, присущих языковым единицам как элементам языковой системы, но и тех импликатур, которые могут проявиться при взаимодействии языка с речевой средой и способствовать достижению определенного *прагматического эффекта*.

Принимая во внимание факт неразрывной связи между прагматической эквивалентностью и достижением того *прагматического эффекта*, который соответствует коммуникативной интенции адресанта, следует признать, что без учета прагматического потенциала языковых единиц, задействованных в ИТ, трудно достичь того же эффекта воздействия с помощью ПТ. Это связано с тем, что прагматический эффект, или эффект *целевого действия* и воздействия, *всегда* является намеренным. Отправитель высказывания в соответствии со своей *прагматической установкой*, влияющей на реализацию субъективной модальности и отражающей личное отношение адресанта к содержанию высказывания, целенаправленно применяет особые приемы и проводит отбор специальных средств для воздействия на реципиента.

С проблемой передачи прагматического потенциала языковых единиц в процессе перевода тесно связаны вопросы *прагматической, коммуникативной и социокультурной компетенций переводчика*, а также *прагматические пресуппозиции*, которые опираются на оценку переводчиком общего фонда знаний у отправителя ИТ и получателя ПТ, особенностей их мышления, характера и т.п.

Не подвергая сомнению неизбежную субъективность, проявляющуюся в процессе выбора варианта перевода, и несмотря на наличие целого спектра решений, которые могут быть приняты переводчиком, мы, как и большинство исследователей, полагаем, что перевод представляет собой *объективный процесс*, который подчиняется объективным законам, реализующимся под влиянием целого ряда как объективных, так и субъективных факторов. Субъективное (творческое) начало в данном типе коммуникации может не только способствовать оптимальному решению переводческих задач, но и послужить причиной определенного *переводческого произвола*.

Рассмотрим отрывок из романа И.С. Тургенева «Дым», где имеет место совместная реализация многочисленных языковых средств, обладающих различным прагматическим потенциалом:

...но сойдясь и усевшись, решительно не знали, что сказать друг другу, и пробавлялись либо *дряньеньким переливанием из пустого в порожнее*, либо *затасканными крайне нахальными и крайне плоскими выходками* давным давно *выдохшегося* французского экс-литератора в *жидовских башмачонках на мизерных ножках* и с *презренною бородкой на паскудной мордочке, шута и болтуна*.

В ПТ происходит изменение прагматического эффекта высказывания, как в связи с *потерей* авторских средств, так и в связи с их *заменой* (использованием единиц с другим прагматическим потенциалом):

...pero una vez sentados no sabían qué decir, y mataban el tiempo hablando *futilidades*, riendo al recordar algunas *frases, poco o nada correctas y hasta grotescas*, de un ex literato de París, *bufón y charlatán* que gastaba una *perilla poco poblada y viejas botas*.

Таким образом, в ПТ мы видим, что: 1. *дряньенькое переливание из пустого в порожнее* превратилось в *futilidades*; 2. *затасканные крайне нахальные и крайне плоские выходки* стали *frases, poco o nada correctas y hasta grotescas*; 3. *жидовские башмачонки* обернулись *viejas botas*; 4. *презренная бородка* оказалась *una perilla poco poblada*. А такие средства, как *выдохшийся, на мизерных ножках, на паскудной мордочке*, были просто потеряны, остались только *шут и болтун* — *bufón y charlatán*.

Учитывая вышесказанное, представляется вполне обоснованным мнение тех исследователей, которые полагают, что любое отступление от эквивалентности, от языковых параллелей между ИЯ и ПЯ должно быть продиктовано объективной необходимостью достижения равноценности регулятивного воздействия ИТ и ПТ на своих адресатов.

Конечно, еще Ш. Балли полагал, что в зависимости от индивидуального характера коммуникантов и ситуации общения один и тот же знак может вызывать в представлении человека другой, предпочтительный перед прочими [1. С. 39].

Однако он также указывал на тот факт, что в языке мы встречаемся и со скрытыми ассоциациями, которые, не исключая других, неизбежно возникают одновременно с представлением знака, *независимо* от всякой ситуации и от всякого контекста.

Развивая концепцию Ш. Балли, можно сказать о том, что в языке существуют такие знаки, которые, так или иначе, уже связаны с определенным *коллективно-субъективным* восприятием, выработанным у людей в течение всей их жизни. С одной стороны, они отражают историю языка, народа, страны и всего мира. С другой — прямо связаны с адресантом, передают его вкусы и интересы, особенности восприятия мира. Эти языковые единицы многие исследователи называют *языковыми прагмемами*. Их узус тесно спаян с коммуникативной целью речевого акта, программирующего действие. Языковые прагмемы неоднородны и представляют собой средства выражения особых *лингвопрагматических категорий*, которые по своей природе предназначены для воздействия на адресата и отражают субъективное отношение коммуникантов к явлениям и событиям. В условиях коммуникации *языковые прагмемы* нередко реализуют свой прагматический потенциал и становятся *речевыми прагмемами*, что, естественно, в силу их особой субъективности, увеличивает те трудности, с которыми сталкивается переводчик. Мы полагаем, что в данном случае имеет место *двойной коэффициент тройной субъективности* (термин наш — Н.К.).

Что касается *первого коэффициента тройной субъективности*, то, по нашему мнению, он находит свое отражение в любом виде переводческой деятельности и связан с реализацией тех прагматических отношений между коммуникантами, о которых мы уже упоминали. Перед нами, как минимум, *три* участника двуязычной коммуникации, *три* субъекта, обладающих каждый своей культурно-когнитивной компетенцией [9. С. 141].

При выявлении специфики данных прагматических отношений необходимо учитывать тот факт, что адресант и адресат связаны друг с другом лишь через переводчика, который «соотнося объемы знаний у отправителя ИТ и у получателя ПТ, опосредует координацию их прагматик путем создания релевантного дифференциала прагматической идентичности» [3. С. 118].

Второй коэффициент тройной субъективности заявляет о себе в тот момент, когда в процессе перевода свой прагматический потенциал реализуют средства выражения *лингвопрагматических категорий*, т.е. языковые прагмемы ИТ и ПТ, а на первый план выступают отношения между знаком и его интерпретатором. Несмотря на то что за языковыми прагмемами уже закреплено и *коллективное бессознательное восприятие* [7], и *историческое бессознательное* [6], соответствующее тому или иному социуму, трудности, с которыми приходится сталкиваться переводчику, увеличиваются. Как правило, это связано с *особой субъективностью* и *градуируемостью* данных единиц, отражающих субъективное отношение коммуникантов к действительности. Переводчику в этом случае гораздо сложнее опосредовать координацию прагматик других участников коммуникации, т.к. в сознании каждого из них (как и у него) существует своя собственная шкала проявления качества/оценки/модальности и т.п. (ср.: «личное бессознательное» и «Эго» у К. Юнга).

Следовательно, к прагматическим отношениям, детерминирующим принятие решений при переводе средств выражения лингвопрагматических категорий, кроме отношений между участниками двуязычной коммуникации добавляются, как минимум, еще три: *отправитель — языковые прагмемы ИТ, переводчик — языковые прагмемы ИТ и ПТ, получатель — языковые прагмемы ПТ*. Таким образом, резко возрастает роль антропологического фактора. Ср.:

...un paleta al que le van robando sus tierras, una a una, hasta quedarse con lo puesto, un *patán* sucio que para acabar de arreglarlo tiene una *mujer desdentada* que no hace más que insultarle [11].

...у какого-то деревенщины постепенно отобрали все его земли, так что он остался в одной рубашке, да еще у этого грязного *скота* какая-то *гнусная баба*, которая только и делает, что его оскорбляет.

Как мы видим, используемый переводчиком вариант слишком груб и входит в противоречие с характером и воспитанием героини, нарушает тип ее речевого поведения. Степень экспрессии русского слова «*скот*» значительно выше испанского «*patán*» — крестьянин, деревенщина, грубиян, невежа. Кроме того, «*desdentada*» — «*беззубая*» еще не значит «*гнусная*».

В связи с проблемой сознательного выбора языковых единиц для достижения того или иного прагматического эффекта интересно положение Г.В. Колшанского о том, что «отбор средств представляет собой не что иное, как формирование высказывания или, вернее, текста в целях передачи соответствующего замысла автора... относительно воздействия на адресата» [4. С. 137]. В этом случае на цельность каждой языковой единицы текста будут влиять не только его информационные, но и прагматические характеристики. При таком подходе переводческая деятельность предстает в плане вторичного процесса, построенного на базе обратной связи, а именно на оценке переводчиком уже существующей информации (как на понятийном, так и на прагматическом уровнях) и уже существующего языкового материала. *Сознательно* планируя свое воздействие на читателя, автор может выражать его через те или иные языковые средства, например, словообразовательные. Несмотря на это, и в русских, и в испанских переводах вместо слов с суффиксом субъективной оценки часто появляется *нейтральная* форма, ср.:

1. Пришло несколько *офицерчиков*... [13]
Presentes se hallaban varios *oficiales*...
2. ...вслед за ними втерся *французик*... *грязненький, бедненький, глупенький*... [13]
...en pos de ellos se había introducido un *francés* de aspecto *bastante ruin* ...

Подобные действия в большинстве случаев приводят к искажению прагматической установки субъекта речи. Так, презрительно-ироничное *офицерчики* далеко не отвечает коннотативным значениям слова *oficial* (офицер). Что касается второго примера, то использование существительного в нейтральной форме и частотного кванторного слова *bastante* (довольно) в сочетании с прилагательным ни в коей мере не восполняет в ПТ ту степень экспрессивности, которую вносили в высказывание три прилагательных-интенсификата с уменьшительно-ласкательным (имеющим здесь презрительно-пренебрежительный оттенок) суффиксом *еньк*.

В отношении следующего случая следует сказать, что в ПТ полностью нарушена прагматическая установка адресанта. Герой романа П. Аларкона с помощью слова с уменьшительным суффиксом (“*escriturilla*”) пытается подчеркнуть незначительность услуги, которую просит он оказать.

Es menester que me haga usarcé una *escriturilla* que no me cueste nada [10].

... будьте так добры, ваша милость, составьте мне бесплатно *деловую бумагу*.

Необходимо отметить, что в связи с изменением степени интенсивности часто происходит нарушение прагматической установки автора. Ср.:

En estas casas respetables es donde el pobrecito está *más seguro* [12].

В почтенных домах вроде нашего бедняга чувствует себя в *полной безопасности*.

В этом примере мы видим увеличение степени проявленности признака в ПТ, и, как следствие, неадекватность восприятия высказывания в ИЯ и в ПЯ на прагматическом уровне. П. Гальдос неоднократно подчеркивает, что даже самые уважаемые жители города не чувствовали себя в безопасности, пока военные были рядом, так велики были их недоверие и ненависть к войскам. Говоря о том, что Кабальюко будет в бóльшей безопасности в доме дона Иносенсио, Мария Ремедиос совсем не имеет в виду его *полную безопасность*, это противоречило бы концепции автора.

По мере превращения языковых прагмем в речевые, что нередко происходит в процессе коммуникации, трудности, связанные с достижением прагматической эквивалентности, только возрастают. Встречаются случаи неудачного подбора синонимов, если не учитываются контекст и прагматическая установка автора, например:

Страшная, темная история... [13].

¡Espantosa, terrible historia!

Здесь усиление одного признака в ПТ приводит к потере другого: *темная история*, т.е. *неясная история*, история, *полная страшных тайн*.

Если подходить к вопросу детерминации переводческих решений и создания дифференциала прагматической идентичности с указанных позиций, то особенно актуальной представляется проблема соотношения словарных соответствий и текстовых эквивалентов в переводе, т.к. очевидно, что *второй коэффициент тройной субъективности* затрудняет возможность использования переводческих параллелей при передаче средств выражения лингвопрагматических категорий. ПТ, в данном случае, должен не только соответствовать культуре ПЯ (положение о том, что перевод — это не только переход от одного языка к другому, но и от одной культуры к другой, ни у кого из современных исследователей не вызывает сомнений), но и отражать тот уровень коллективно-субъективного отношения говорящего к действительности, который заложен в оригинале, что позволит переводчику передать прагматическую установку автора ИТ и достичь уровня прагматической эквивалентности в процессе перевода.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Балли Ш. Французская стилистика. — М., 1961.

[2] Гейм М. О переводе дословном и вольном. Прагматический подход к теории перевода // Альманах переводчика. — М.: РГГУ, 2001.

- [3] *Иовенко В.А.* Теоретический курс перевода. Испанский язык. — М.: ЧеРо, 2005.
- [4] *Колишанский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. — М.: Наука, 1984.
- [5] *Фененко Н.А.* Язык реалий и реалии языка. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001.
- [6] *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — М., 1977.
- [7] *Юнг К.Г.* Либи́до, его метаморфозы и символы. — СПб., 1994.
- [8] *Nida E.A., Taber C.* The Theory and Practice of Translation. — Leiden: Brill, 1969.
- [9] *Santoyo J.C.* Traducción de cultura, traducción de civilización // *Estudis sobre la Traducció.* — Amparo Hurtado: Universitat Jaume I, 1994.
- [10] *Alarcón P.A.* El sombrero de tres picos. — La Habana, 1975.
Аларкон П.А. Треугольная шляпа / Пер. Томашевского. — М., 1976.
- [11] *Delibes M.* Cinco horas con Mario. — Barcelona, 1992.
Делибес М. Пять часов с Марио / Пер. Е. Любимовой. — М., 1975.
- [12] *Galdós B.P.* Doña Perfecta. — La Habana, 1974.
Гальдос Б.П. Донья Перфекта / Пер. С. Вафа, А. Старостина. — М., 1976.
- [13] *Тургенев И.С.* Дым. — М., 1973.
Turgeniev I.S. Humo / Пер. Ф. Алтед Фонсека. — Madrid, 1971.

TO THE PROBLEM OF PRAGMATIC EQUIVALENCE IN TRANSLATION

N.V. Karpovskaya

Department of romano-german philology
Faculty of philology and journalism
The South Federal University
Universitetskiy Str., 93, Rostov-na-Donu, Russia, 344006

The article is dedicated to the investigation of the influence of the language units pragmatic potential on the process of taking translation decisions. The most part of attention is focused on the notion of the pragmatic equivalence, on the translation difficulties of the lingual pragmatic categories components, as well as on the specifics of the pragmatic relations in the process of bilingual communication.

Key words: pragmatic equivalence, pragmatic potential of the language units, determination of translation decisions, speech influence and factor to subjectivity, the components (facilities of the expression) of lingual pragmatic categories.